
ПЕРЛАМУТР ПУГОВИЦА
ДОКТОР СОЙФЕР ПЁТР

Петр Сойфер

Перламутовая пуговица

«Автор»
2026

Сойфер П.

Перламутовая пуговица / П. Сойфер — «Автор», 2026

Париж, октябрь. Реми Лакруа, когда-то один из самых тонких эссеистов Франции, приходит в Люксембургский сад попрощаться: болезнь давно отняла у него голос, и полгода он не может написать ни строчки. У фонтана Медичи он встречает пятилетнюю Клару, потерявшую свою тряпичную куклу Софи. Чтобы остановить её слёзы, Реми говорит, что кукла просто уехала путешествовать, и обещает передавать её письма.Так начинаются осенние недели, ставшие для него последней и самой важной работой. В письмах Софи — мосты над Роной, виноградники, море Бретани и горный перевал. Взрослый читатель узнает в них жизнь самого Реми, пересказанную языком сказки. У матери Клары есть своя неназванная утрата, и кукла связана с ней теснее, чем кажется.Тихая психологическая новелла о горе, которое не исчезает, а меняет облик, и о словах, способных утешить даже на самом краю жизни.

© Сойфер П., 2026
© Автор, 2026

Петр Сойфер
Перламутровая пуговица

Доктор Пётр Сойфер

ПЕРЛАМУТРОВАЯ ПУГОВИЦА

Психологическая новелла

Глава 1. Стулья у фонтана Медичи

В середине октября Люксембургский сад пахнет мокрым каштановым листом, остывшим камнем и сладковатым дымом чьей-то трубки. К этому запаху примешивается ещё один — едва уловимый, грибной, идущий от сырой земли под платанами. Парижане его не замечают. Его замечают только те, кто прощается.

Реми Лакруа пришёл к фонтану Медичи в половине третьего, когда солнце уже ушло за крышу Сената и над длинной чашей бассейна легла ровная прохладная тень. Он выбрал стул у самой воды — зелёный, металлический, с покатой спинкой, на каких парижане полулёжа читают газеты летом. Сиденье было холодным и влажным после утренней мороси. Реми сел на него не раздумывая. Холод давно перестал быть для него отдельным ощущением: он стал частью общего фона, как шум улицы за оградой.

Другое дело воздух. Воздух приходилось добывать. Он входил в грудь короткими неровными порциями, будто протискивался сквозь сухой гравий, и где-то на середине вдоха упирался в невидимую стену. Реми научился не спорить с этой стеной. Он дышал мелко, часто, как дышат собаки в жару, и ждал, пока тяжесть под грудиной немного разожмётся.

В правом кармане пальто лежала пластиковая баночка с капсулами морфина и вторая, поменьше, с быстрыми таблетками — на случай, если боль накатит внезапно. Мадлен, медсестра, ходившая к нему по вторникам и пятницам, каждый раз пересчитывала их и записывала что-то в тетрадь. На коленях Реми держал старый кожаный портфель. Внутри была пустая папка. Он носил её по привычке, как носят обручальное кольцо после развода.

Над бассейном склонялись платаны. Их листья, широкие, жёлтые с ржавыми краями, медленно ложились на воду и плыли к дальнему краю, где из каменной ниши смотрел вниз бронзовый Полифем. Великан застыл над двумя мраморными влюблёнными, прильнувшими друг к другу у его ног, и так и не решился обрушиться на них. Реми всегда казалось, что эта сцена длится уже четыреста лет и не кончится никогда. Под листьями в тёмной воде иногда вспыхивал оранжевый бок рыбы.

Ещё три года назад его называли одним из самых тонких эссеистов Франции. Критики писали о «хрустальной ясности» его фразы и о том, что он умеет сказать о смерти так, чтобы читатель не испугался. Его звали на радио по воскресеньям. Студенты переписывали его абзацы в тетради. Он получил две премии и отказался от третьей, потому что председатель жюри был ему неприятен.

Теперь от этого не осталось ничего. Болезнь выжгла слова раньше, чем добралась до тела. Последние полгода Реми не написал ни одной строчки, которую можно было бы показать хоть кому-нибудь. Он садился за стол каждое утро. Перед ним лежал лист, справа стояла чашка с остывающим чаем. Через час он вставал, и лист оставался чистым. Иногда на нём появлялось одно предложение, но к вечеру Реми зачёркивал его так густо, что перо прорывало бумагу.

Редактор звонил дважды, потом перестал. Последнее сообщение на автоответчике было вежливым и коротким, как соболезнование.

Сегодня он пришёл сюда не писать. Он пришёл посмотреть.

Сад был картой его жизни, и Реми знал её наизусть, как старый лоцман знает фарватер. Вот там, у статуи одной из королев Франции, — он никогда не помнил, какой именно, — девятнадцатилетним он впервые поцеловал Жюли, студентку с филологического, пахнувшую

апельсиновой коркой и дешёвыми сигаретами. Чуть дальше, на скамье под каштанами, сорок лет назад он развернул только что отпечатанную сигнатуру своей первой книги и долго водил пальцем по шершавому краю листа, не решаясь прочесть ни одной фразы. А у Большого бассейна, где по средам и выходным дети гоняют палками деревянные кораблики, он однажды кормил голубей вместе с матерью. Она приехала из Лиона на три дня, впервые в жизни, и всё время держала его под руку, словно боялась потеряться.

Матери не было уже двадцать два года. Жюли он не видел почти полвека. Книга давно ушла из магазинов.

Круг замыкался. Реми закрыл глаза.

Ветер прошёл по верхушкам платанов, и сверху посыпалось сухое шуршание. Где-то за спиной, на дорожке, поскрипывал гравий под колёсами детской коляски. Вдалеке ухнул и смолк колокол Сен-Сюльпис. Пахло листьями, водой, близким вечером.

Он подумал, что, если всё кончится прямо сейчас, на этом холодном стуле, это будет не худший вариант. Мысль пришла спокойно, без страха, и так же спокойно ушла.

— Софи!.. Софи, ну где же ты?..

Голос был тонкий, срывающийся. В нём дрожал тот особый детский плач, который ещё не стал рыданием, но вот-вот станет.

Реми открыл глаза.

В нескольких шагах от него, у края аллеи, металась маленькая девочка. На вид ей было лет пять, не больше. Ярко-жёлтое пальтишко с деревянными пуговицами-палочками, вязаная шапка с помпоном, из-под которой выбивались золотистые кудряшки. Розовые замшевые сапожки уже потемнели от сырости и были облеплены мокрым песком. Девочка заглядывала под стулья, приседала на корточки, разгребала носком кучи листьев у бордюра и снова вскакивала. Она плакала тихо, почти беззвучно, и от этого её плач казался ещё безнадёжнее.

Чуть поодаль, у клумбы с поздними хризантемами, молодая женщина в сером плаще раздвигала руками жёсткие стебли и что-то высматривала в земле. Время от времени она выпрямлялась и оглядывала аллею растерянным, усталым взглядом человека, который ищет уже не первый час.

Девочка подошла почти к самым ногам Реми. Она его не видела. Ей не было никакого дела до худого старика с пепельно-серым лицом и глубоко запавшими глазами. Её мир рушился прямо здесь, между фонтаном и каштановой аллеей, и на развалинах этого мира не было места для посторонних.

— Клара, солнышко, мы купим другую! — донёсся голос матери. В нём звучала та же усталость, что и во взгляде. — Слышишь? Завтра же поедем и купим. Ещё лучше прежней.

— Не надо другую! — Девочка обернулась так резко, что помпон на шапке подпрыгнул. — Мне не нужна лучше! Мне нужна Софи!

И снова, уже совсем тонко, в пустоту аллеи:

— Софи-и-и!..

Реми медленно наклонился вперёд. Любое движение корпусом отзывалось в груди тупой раздирающей болью, будто кто-то изнутри проворачивал ключ в ржавом замке. Он переждал её, опёршись ладонью о колено.

— Здравствуй, — сказал он негромко.

Голос у него был глухой, с хрипотцой на выдохе. Но в нём осталась та мягкая, неторопливая интонация, которую дети угадывают безошибочно, раньше слов.

Девочка остановилась. Утёрла нос кулачком в шерстяной варежке и оставила на щеке грязную полоску.

— Вы не видели Софи? — спросила она, всхлипывая. — Она такая… из тряпочки. У неё синее платье с вишенками. И волосы из ниток, жёлтые. А на ручке пуговка оторвалась. Одна. Вот тут.

Она показала на своё правое запястье.

Реми посмотрел в её глаза — огромные, карие, с мокрыми слипшимися ресницами. Он подумал о том, как мало знают взрослые о детском горе. Для пятилетнего ребёнка потерянная кукла — не вещь. Это друг, спавший рядом каждую ночь, слышавший все секреты, деливший с ним грозы, болезни и скучные воскресенья. Взрослые торопятся купить замену, потому что не выносят детских слёз. И не понимают, что в пять лет замена выглядит как предательство.

Он и сам этого не понимал, пока у него была своя жизнь. Странно, что понял только теперь.

Где-то глубоко внутри, под толщей боли, под онемением последних месяцев, что-то едва заметно сдвинулось. Как сдвигается льдина весной: ещё без звука, ещё без трещины, но уже не на прежнем месте.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Клара.

— Клара, — повторил Реми, словно пробуя имя на вкус. — Хорошее имя. Светлое. Так вот, Клара. Твоя Софи вовсе не потерялась.

Девочка замерла. Слёзы повисли на ресницах и не падали.

— Правда?.. А где она?

Реми вздохнул, насколько позволяла грудь, и собрал во рту остатки воздуха. И вдруг улыбнулся. Улыбка вышла кривоватой, непривычной, словно лицо забыло, как это делается.

— Она уехала путешествовать. Только очень торопилась, понимаешь? Поезд на юг уходил через десять минут, а вокзал далеко. Софи бежала изо всех сил. Пробегала мимо этого самого стула и успела шепнуть мне на ухо пару слов.

— Шепнула?.. — Клара широко раскрыла глаза. — А почему она мне ничего не сказала?

— Ты в это время смотрела на рыбок, — уверенно ответил Реми и кивнул на тёмную воду бассейна. — Видишь, вон там, под листьями, оранжевая? Ты на неё засмотрелась. А поезда, Клара, никого не ждут. Даже кукол.

Девочка посмотрела на воду. Рыба, будто по заказу, медленно всплыла к поверхности и снова ушла в глубину.

— А что она шепнула?

— Что обязательно напишет тебе письмо. И попросила меня передать его, потому что твоего адреса она наизусть не знает. Сегодня она написать не успеет: ей ещё нужно найти своё место в вагоне и уложить вещи. А вот завтра… — Реми помедлил, прислушиваясь к себе. Завтра казалось далёким, как другой берег. — Завтра в три часа я буду ждать тебя здесь. С её первым письмом.

Клара смотрела на него с немой, отчаянной надеждой. В пять лет граница между сказкой и правдой прозрачна, как оконное стекло, и ребёнок легко проходит сквозь неё в обе стороны. Он не ищет подвоха. Он ищет, куда спрятаться от боли.

— Письмо?.. От Софи?

— От Софи, — Реми подмигнул ей. — Иди к маме, Клара. Она тебя совсем заждалась.

Девочка постояла ещё секунду, потом развернулась и побежала по аллее, разбрызгивая лужицы. Добежав до матери, она схватила её за полу плаща и что-то быстро-быстро заговорила, показывая назад, на фонтан.

Женщина подняла голову. Их взгляды встретились через всю аллею. Реми увидел в её лице недоверие, потом растерянность, потом что-то похожее на просьбу. Он медленно кивнул.

Она не кивнула в ответ. Но взяла дочь за руку и увела её к выходу на улицу Вожирар, ни разу не оглянувшись.

До закрытия сада оставалось чуть больше часа. Реми просидел у фонтана почти всё это время. Листья всё падали на воду, рыбы всё вспыхивали и гасли в глубине, Полифем всё медлил над влюблёнными. Когда со стороны дворца раздались длинные свистки смотрителей, выго-

няющих последних гуляющих, Реми поднялся. Сначала он встал на одно колено, держась за спинку соседнего стула. Потом выпрямился, переждал головокружение и пошёл к воротам — медленно, останавливаясь каждые двадцать шагов.

В голове у него крутилась одна фраза, и он не сразу понял, что это. Потом понял. Это была первая фраза письма. Её ещё нельзя было записать — она только начинала звучать.

Он шёл, придерживая её внутри, как придерживают ладонью огонёк спички на ветру.

Глава 2. Улица Бонапарт

Квартира встретила его темнотой и запахом остывшего табака, хотя Реми не курил уже четыре года. Запах жил в шторах, в обивке кресла, в корешках книг. Врачи говорили, что дело вовсе не в табаке, что так бывает и у тех, кто никогда не курил. Реми кивал, но в глубине души знал: каждая выкуренная за сорок лет сигарета сидит сейчас у него в груди и ждёт своей очереди.

Он жил на третьем этаже старого дома на улице Бонапарт, между галереей эстампов и лавкой переплётчика. Окна кабинета выходили во двор-колодец, где росла одна-единственная липа, слишком высокая для такого тесного пространства. Летом она закрывала свет. Сейчас, в октябре, её ветви почти облетели, и сквозь них были видны чужие окна напротив: кухня с медными кастрюлями на крюках, спальня с зелёным абажуром, пустая комната, где уже полгода никто не зажигал лампу.

Лифта в доме не было. Последний пролёт Реми одолел, сидя на ступеньках и пережидая кашель. Потом нашарил в кармане ключ, долго попадал им в скважину и наконец вошёл.

Пальто он снимать не стал. Не стал зажигать верхний свет, не стал ставить чайник. Прошёл прямо в кабинет и включил настольную лампу под зелёным стеклянным колпаком — ту самую, купленную на гонорар за первую книгу. Круг тёплого света лёг на столешницу.

На столе лежало всё, что лежало здесь полгода. Стопка чистой бумаги. Перьевая ручка в чернильном пятне на подставке. Фотография матери в деревянной рамке: женщина в платке на фоне лионской набережной, глаза прищурены от солнца. Справочник по латинским корням, раскрытый на одной и той же странице. Чашка с тёмным кольцом засохшего чая на дне.

Реми опустился на стул.

К вечеру боль всегда усиливалась. Она начиналась под правой лопаткой, растекалась по рёбрам и к ночи становилась похожа на тугой пояс, затянутый на три дырки туже, чем можно вынести. По расписанию полагалось принять вечернюю капсулу. Реми достал баночку, повертел её в пальцах и поставил на край стола, рядом с фотографией.

Потом. Сначала другое.

Он выдвинул нижний ящик и достал оттуда пачку вержированной бумаги — плотной, кремовой, с тонкими параллельными линиями, видными на просвет. Эту бумагу он берёг для особых случаев и за три года так ни разу её и не тронул. Особых случаев больше не было.

Лист лёг под лампу. Реми снял колпачок с ручки, проверил перо на обрывке газеты. Чернила пошли легко.

И тогда он испугался.

Страх пришёл знакомый, привычный, как зубная боль. Тот самый, что каждое утро последние полгода сидел с ним за этим столом. Сейчас я начну, и ничего не выйдет. Фраза окажется мёртвой. Слова встанут в строку, как чужие люди в очереди, не глядя друг на друга. И я снова пойму, что голоса больше нет.

Он положил ручку.

В окне напротив зажёгся свет. Женщина в домашнем халате поставила на плиту кастрюлю и что-то сказала через плечо кому-то невидимому. Липа во дворе стояла неподвижно, только самый верхний лист на тонком черешке мелко дрожал, хотя ветра внизу не было.

Реми попробовал начать так, как начинал всегда. «Утрата, пережитая в детстве, обладает особой…» Он посмотрел на эту строчку и почувствовал знакомую тошноту. Это был голос лектора. Голос человека, который знает, как надо, и потому ничего не чувствует. С этим голосом он прожил тридцать лет, и этот голос умер первым.

Он зачеркнул строчку, но не густо, как раньше, а одной тонкой линией. Отодвинул лист. Взял новый.

Нельзя писать о кукле, подумал он. Надо писать от куклы.

Он закрыл глаза и попытался представить её. Тряпичное тело, набитое ватой, мягкое и чуть комковатое на сгибах. Синее платье с вишенками, сшитое, наверное, из старого детского платья — такие куклы редко покупают в магазине. Волосы из жёлтых ниток, растрёпанные, потому что их каждую ночь мнут о подушку. Пуговица на правой руке — одна, вторая оторвалась. Глаза, скорее всего, вышиты крестиком или пришиты бусинами. Рот — тонкий стежок красной нитки.

Как думает такое существо? Что оно знает о мире?

Оно знает руки. Тёплые, липкие от варенья, иногда грубые, когда хозяйка сердится. Знает подушку, одеяло, дно рюкзака, карман пальто. Знает голос — один-единственный голос, который зовёт её по имени. Оно никогда не было дальше парка. Оно не знает, что такое поезд, море, горы. Для него весь мир — это комната с кроватью и дорожка в саду.

И вот такое существо оказывается одно. Совсем одно, впервые в жизни. Что оно чувствует?

Страх, конечно. Но и любопытство тоже. Потому что мир, оказывается, огромный, а она такая маленькая. И это страшно и интересно одновременно.

Реми открыл глаза. Взял ручку. Перо коснулось бумаги, и он вдруг заметил, что рука почти не дрожит.

Писать начал не он. То есть рука была его, и чернила его, и стол, и лампа. Но голос, зазвучавший в голове, был новым — тихим, чуть удивлённым, без единой взрослой ноты. Реми слушал его и едва успевал записывать.

Дорогая моя Клара!

Прости, что я не обняла тебя перед уходом. Всё получилось так быстро, что я сама до сих пор не могу поверить.

Помнишь, ты смотрела на рыбок в большом бассейне? А я сидела у тебя в кармане, и мне было скучно, и я высунула голову. И вдруг увидела бабочку. Большую, жёлтую, почти как твоё пальто. Она летела низко-низко над дорожкой, и мне так захотелось посмотреть на неё поближе, что я сама не заметила, как выбралась из кармана и побежала следом.

Бабочка летела, и я бежала. Мимо фонтана, мимо стульев, мимо дяди с газетой. Потом она взлетела высоко, на дерево, и пропала. А я оглянулась — и не узнала ничего вокруг. Я стояла у больших чёрных ворот с золотыми пиками.

А за воротами стоял настоящий экипаж для кукол. Маленький, синий, с фонариком на крыше. Кучер в высокой шляпе был сделан из еловой шишки, честное слово. Он посмотрел на меня и сказал: «Мадемуазель, вы на вокзал? Поезд на юг через десять минут, а следующий только через год». И я подумала: я ведь никогда не видела, где растёт земляника. И где засыпает солнце. И какое бывает море. Я подумала: если я сейчас не поеду, то так никогда и не узнаю.

Мне было страшно, Клара. Мой ватный животик дрожал, как желе. Но я вспомнила, как мы с тобой прятались под одеялом, когда была гроза, и ты сказала: «Не бойся, гром только громкий, а внутри он добрый». И я стала смелой. И села в экипаж.

По дороге я встретила одного старого господина на зелёном стуле. Он очень грустно смотрел на воду. Я шепнула ему, чтобы он передал тебе мои письма. Он согласился. Мне кажется, он хороший, только очень устал.

Сейчас я сижу в поезде у самого окошка. Колёса стучат: та-там, та-там, будто кто-то большой идёт по рельсам и не может остановиться. За окном пролетают зелёные холмы. Они круглые и мохнатые, как спящие медведи, и я всё жду, что какой-нибудь проснётся и помашет мне лапой.

Моё синее платье немного помялось, а одна вишенка на подоле чуть-чуть запачкалась в саду. Но я крепко держусь за край сиденья и не плачу. Ну, почти не плачу.

Не скучай без меня, пожалуйста. Я уехала, чтобы узнать много нового и всё-всё тебе рассказать. Каждый день буду писать, обещаю.

Твоя кукла Софи, которая очень по тебе скучает.

P.S. Пуговку на ручке я не потеряла. Это она меня потеряла. Значит, когда-нибудь найдётся.

Реми поставил точку и отложил ручку.

За окном было совсем темно. Кухня напротив погасла, в спальне с зелёным абажуром кто-то читал в постели. Липа во дворе пропала в темноте, остался только верхний лист, поймавший свет из чьего-то окна.

Он перечитал письмо. Почерк был неровным, совсем не таким, как десять лет назад. Буквы клонились то вправо, то влево, в двух местах перо зацепило бумагу и оставило кляксы. Но Реми смотрел не на почерк.

Он читал и чувствовал то, чего не чувствовал очень давно. Текст дышал. Не он сам — дышал текст. Ровно, легко, полной грудью, так, как сам Реми уже не мог.

Он подумал, что в этих полутора страницах больше жизни, чем во всех незавершённых рукописях, лежавших в нижнем ящике. И сразу отогнал эту мысль, потому что она была слишком громкой, слишком похожей на те фразы, которые он больше не любил.

Про постскриптум он сначала не думал. Тот появился сам, в последний момент, и Реми теперь смотрел на него с удивлением. «Это она меня потеряла». Откуда это взялось? Он не знал.

Он сложил лист вдвое, потом ещё раз. В ящике стола нашлись старые конверты — плотные, с тиснёным краем, остатки какой-то давней юбилейной рассылки издательства. Реми вложил письмо в конверт и задумался, как надписать.

Потом вывел крупными печатными буквами, чтобы пятилетний ребёнок мог разобрать хотя бы своё имя:

КЛАРЕ. ОТ СОФИ. ЛИЧНО В РУКИ.

Подумал и пририсовал в углу маленькую вишенку с двумя листиками.

Только после этого он принял капсулу. Запил её водой из графина, стоявшего на подоконнике с позавчерашнего дня. Посидел ещё немного в круге лампы, положив ладонь на конверт.

Спал он в ту ночь в кресле, не раздеваясь, укрывшись пледом. Проснулся один раз — около трёх — от кашля, долгого и мучительного, после которого на носовом платке остались тёмные пятна. Он посидел, пережидая, пока выровняется сердце.

И впервые за много месяцев, засыпая снова, думал не о смерти, а о том, куда поедет поезд дальше.

Глава 3. Ритуал

Наутро шёл дождь — мелкий, упрямый, без ветра. Он не лил, а висел над городом, как мокрая марля, и к полудню пропитал всё: камни мостовой, ставни, листья, воздух. Реми смотрел на него из окна и думал, что в такую погоду мать не поведёт ребёнка в парк. Да и вчерашний её взгляд, не ответивший на кивок, не обещал ничего.

К двум часам дождь кончился. Реми надел чистую рубашку, побрился, дважды порезавшись, и долго выбирал шарф. Выбрал тёмно-синий, кашемировый, подаренный когда-то женой. Посмотрел на себя в зеркало в прихожей и отвернулся.

До сада было всего несколько кварталов: вверх по Бонапарт, мимо церкви Сен-Сюльпис с её разномастными башнями, через площадь, где голуби купались в лужах у фонтана, и дальше по улице Феру к Вожирар. Вчера он прошёл этот путь за двадцать минут. Сегодня понадобилось почти сорок. Он останавливался у каждой витрины и делал вид, что разглядывает книги, старые гравюры, фарфор. На самом деле он просто стоял и дышал.

Сад после дождя был другим. Гравий потемнел и хрустел глуше. На скамейках стояли лужицы, и в каждой плавало по листу. Каштаны вдоль аллей роняли последние плоды, и колючие зелёные скорлупки лопались под ногами прохожих с тихим треском. Пахло так сильно, что кружилась голова: мокрой корой, прелью, холодной водой фонтана.

Реми вытер платком сиденье того же стула, сел и посмотрел на часы. Без пяти три.

Он ждал, и ему было стыдно, что он ждёт. Старый человек сидит у фонтана с конвертом в кармане и ждёт чужого ребёнка. Если бы он прочёл такое в чьей-нибудь рукописи, то подчеркнул бы красным: сентиментально. Вычеркнуть.

В три часа две минуты на аллее показалось жёлтое пятно.

Клара бежала. Помпон подпрыгивал на шапке, сапожки шлёпали по лужам, полы жёлтого пальто разлетались в стороны. Мать шла следом быстрым шагом, но не догоняла. В руке у неё был зонт, свёрнутый и перехваченный ремешком.

Девочка остановилась прямо перед Реми, тяжело дыша, с красными от бега щеками.

— Вы принесли?.. — прошептала она. Не спросила, а именно прошептала, как спрашивают о самом главном.

Реми молча достал конверт из внутреннего кармана. Клара схватила его обеими руками, прижала к груди, потом отстранила и стала разглядывать. Провела пальцем по вишенке в углу.

— Тут написано «Клара»! — она ткнула пальцем в первое слово. — Я знаю эту букву. Это «К». Как у меня.

— Совершенно верно.

— А дальше я не умею. Прочитайте! Прочитайте скорее!

Мать подошла и остановилась в двух шагах. Вблизи она оказалась моложе, чем показалось вчера, — лет тридцати, не больше. Тонкое лицо, светлые волосы, наскоро собранные заколкой, тени под глазами, какие бывают у людей, давно и плохо спящих. Плащ был хорошего покроя, но не новый, и на правом рукаве виднелась аккуратно заштопанная дырочка.

— Анна Мерсье, — сказала она, не протягивая руки. — Мама Клары.

— Реми Лакруа.

Она чуть заметно вздрогнула, будто имя ей что-то напомнило, но ничего не сказала. Просто села на соседний стул, на самый краешек, и положила зонт на колени. Так сидят люди, готовые в любую секунду встать и уйти.

Реми развернул письмо.

Он читал медленно. Не потому, что хотел, а потому, что иначе не мог: после каждой второй-третьей фразы приходилось останавливаться и набирать воздух. Но паузы ложились сами собой, как в хорошем чтении вслух, и Клара не замечала их. Она стояла, приоткрыв рот, вцепившись пальцами в край его пальто, и смотрела не на него, а куда-то сквозь, туда, где ехал синий экипаж с кучером-шишкой.

Когда он дошёл до слов о старом господине на зелёном стуле, Клара перевела взгляд на него. Долгий, серьёзный, изучающий взгляд. Потом кивнула, будто что-то для себя проверила.

На постскриптуме она засмеялась.

— Пуговка её потеряла! — Клара обернулась к матери. — Мама, ты слышала? Не Софи потерялась, а пуговка её потеряла! А Софи в поезде! Она видела зелёных медведей!

— Слышала, малыш, — тихо ответила Анна.

Она смотрела на Реми. В её взгляде не было благодарности. Было что-то другое — настороженное, острое, как у человека, которому без спроса дали подержать хрупкую вещь и он не знает, как её вернуть.

Клара тем временем отбежала к бассейну и, держа конверт над водой на вытянутых руках, стала показывать его рыбам. Объясняла им что-то вполголоса, серьёзно, как взрослым.

— Месье Лакруа, — сказала Анна, не поворачивая головы. — Можно вас спросить?

— Конечно.

— Зачем вы это делаете?

Реми помолчал. Над ними прошёл ветер, и с платана на колени ему упал лист — огромный, как раскрытая ладонь.

— Не знаю, — сказал он честно. — Вчера ваша дочь плакала. Я сказал первое, что пришло в голову.

— Вчера — допустим. А сегодня вы написали письмо. Это уже не первое, что пришло в голову.

— Да.

— И что будет завтра? И послезавтра? — Голос её стал тише и жёстче. — Вы понимаете, что она теперь будет ждать? Каждый день. А когда письма кончатся, она потеряет куклу второй раз. И это будет хуже, чем первый.

Реми повертел лист в пальцах. Прожилки на нём были тёмными, почти чёрными, а сама пластина — золотой, с крапинками ржавчины.

— Письма кончатся не внезапно, — сказал он наконец. — Я обещаю.

Анна повернулась и посмотрела на него внимательно. Долго, пристально, с той откровенностью, с какой смотрят на людей, которых видят впервые и, скорее всего, в последний раз. Он не отвёл глаз. Он знал, что она видит: серую кожу, обтянувшую скулы, синеву под ногтями, тонкую шею в слишком просторном вороте рубашки.

— Вы больны, — сказала она. Не вопрос.

— Да.

Она помолчала. Потом что-то в ней отпустило: плечи опустились, руки на зонте разжались.

— Я работаю в больнице. В Кошене, в регистратуре онкологии, — сказала она. — Я много таких лиц видела.

Она не добавила ни «извините», ни «сочувствую». И Реми был ей за это благодарен.

Клара вернулась от бассейна, раскрасневшаяся, и сунула конверт матери в карман плаща: «Береги!» Потом повернулась к Реми.

— А завтра будет письмо?

— Будет.

— А послезавтра?

— И послезавтра.

— А в субботу? В субботу мы ходим к бабушке.

Анна быстро взглянула на дочь, потом на Реми. Он ничего не понял, но уловил, как изменилось её лицо.

— В субботу я оставлю письмо у смотрителя, — сказал он. — Того, что в синей фуражке, у ворот. Вы его заберёте, когда сможете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.